

НУЛЕВАЯ ОТМЕТКА

0

18+

Элиас Грей

Нулевая отметка

«Автор»

2026

Грей Э.

Нулевая отметка / Э. Грей — «Автор», 2026

Некоторые тайны невозможно похоронить. Особенно если их хранит вода. Инженер-гидролог Вера Мезенцева возвращается в родной посёлок Тихий Лог, чтобы обследовать заброшенные каналы. Но обычная командировка превращается в опасное расследование, когда на старой карте обнаруживается объект, которого официально не существует. А человека, рассказавшего о нём, вскоре находят мёртвым. Следы ведут к страшному паводку 1994 года, исчезнувшим документам и тайне, связанной с покойным отцом Веры. Почему жители посёлка молчат уже тридцать лет? Кто переписал историю трагедии? И чьи голоса звучат по ночам у заброшенного водосброса? «Нулевая отметка» — атмосферный детектив с элементами мистики о цене молчания, призраках прошлого и правде, которую невозможно уничтожить. Погрузитесь в историю, где вода помнит всё, а самая опасная тайна скрывается в людях.

© Грей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Чужая отметка	5
Глава 1. Чужой дом	5
Глава 2. Белое пятно	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нулевая отметка

Часть первая. Чужая отметка

Глава 1. Чужой дом

Таксист позвонил за двадцать минут до назначенного времени и сказал, что не поедет. Мост на Тихий Лог с понедельника закрыт на ремонт, объезд идёт по лесовозной дороге, а свою машину он по лесовозке мерить не нанимался. Если ей очень надо, есть автобус в час сорок, третья платформа.

Вере было очень надо, и в час сорок она сидела у окна, поставив на колени сумку с нивелиром. В багажное отделение она её не отдала: там уже стояли чьи-то вёдра, обмотанные мешковиной, и пластиковый ящик, из которого пахло укропом и землёй. Впереди две женщины выясняли, почём нынче в Бережске машина берёзовых дров и сколько из этой машины окажется осиною. Одну из них Вера, кажется, знала — по голосу, по манере ставить ударение на последний слог, будто прибывая слово гвоздиком. Она не стала оборачиваться, чтобы проверить.

Через двенадцать километров автобус свернул с асфальта. Дорога пошла просекой, колея была налита рыжей водой, и водитель вёл машину так, как ведут лодку, — чуть наискось, не споря с ямами, а пропуская их под собой. Дождь не столько шёл, сколько висел: сырость, которая решила стать видимой. Берёзы вдоль просеки облетели до середины и держали жёлтое только наверху, как держат над головой что-то, чего жалко замочить.

Вера смотрела на кюветы. Их прокопали давно, и они заплыли: вода стояла в них неподвижная, под плёнкой листьев, и по тому, что ей некуда было уходить, о местности можно было сказать больше, чем по любой карте. Вера поймала себя на том, что считает — расстояние между водопропускными трубами, уклон, куда кювет сбрасывает. Считать было легче, чем узнавать.

В четырнадцать десять автобус встал на площади у Советской, и она увидела Сергея раньше, чем он её.

Он стоял под навесом остановки в форменной куртке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу, и держал чужой пакет — держал так, будто это входило в его обязанности. Женщина в резиновых сапогах что-то ему договаривала, он кивал. Он стал шире, чем она помнила. Не толще — именно шире, как будто его однажды поставили на эту землю и он с тех пор в неё понемногу врался. Женщина забрала пакет, полезла в автобус, и Сергей обернулся.

— Мезенцева, — сказал он. Не вопросом.

— Лунёв.

Она спустилась, пригнувшись в дверях, хотя проём был обычный, автобусный. Привычка вагончиков и бытовок, где лоб расплачивается за рассеянность. Под нижней ступенькой разлилась лужа, рыжая от торфяной воды, с радужными разводами солярки, и Вера перешагнула её так широко, что сумка качнулась и ударила её по бедру.

— Таксист отказался, — сказала она.

— Знаю. Он мне звонил.

— Тебе?

— Он мне шурин. Двоюродный. — Сергей протянул руку к её рюкзаку и взял его, не спрашивая. На сумку с прибором только посмотрел. — Эту, я так понимаю, сама.

— Сама.

Автобус вздохнул дверями и ушёл разворачиваться к магазину. Без него площадь оказалась маленькой: остановка, бетонная клумба с бархатцами, побитыми первым заморозком, доска объявлений под плёнкой. На доске висели расписание, приглашение на репетицию хора по пятницам, листок «Отдам котят в хорошие руки, рыжие, двое» и фотография потерявшейся собаки — уже выцветшая, а значит, либо собака нашлась, либо её перестали искать.

— Мне сказали, встретят из администрации, — сказала Вера.

— Из администрации тебя и встречаю я. У Лидии Викторовны сегодня район, совещание по отопительному. Водитель на больничном. Она попросила. — Сергей расстегнул куртку ещё на одну пуговицу, достал из-за пазухи картонную папку, сухую, тёплую от его тела. — Вот. Договор, второй экземпляр, и схема по каналам. Сказала, завтра после обеда ждёт, если тебе удобно. Если нет — позвонить. Телефон там на обороте.

Вера взяла папку, не открывая. Она хотела открыть её прямо здесь, под навесом, и прочесть всё до последней сноски, потому что текст договора был единственным, что сейчас объясняло, зачем она стоит на этой площади. Но дождь задувал под навес сбоку, и она сунула папку в сумку, к нивелиру.

— Ключи у тебя? — спросила она.

— У меня.

— Почему у тебя?

— Мама твоя оставила. В восемнадцатом, после похорон. Сказала, чтобы кто-нибудь заглядывал. — Он полез во внутренний карман, вытащил связку на кольцо с пластмассовой биркой, на бирке шариковой ручкой было написано: «Заречная, 14». — Раз в месяц захожу. Счётчик смотрю, крышу. Позапрошлой зимой трубу на кухне отогревал, она у вас под окном, её прихватывает. Свет включён, я договаривался. Платёжки на холодильнике.

Вера взяла ключи. Связка была тяжелее, чем ей помнилось: большой ключ от двери, маленький от почтового ящика, которого уже, наверное, нет, плоский от сарая и ещё один, незнакомый, с синей пластмассовой головкой.

— А этот?

— От навесного замка на погребке. Я повесил, когда у Ломакиных картошку выгребли. Не у вас — у них. Но решил, пусть будет.

— Спасибо, — сказала она и услышала, что сказала это слишком медленно. Она всегда замедлялась, когда злилась. Злилась она сейчас не на него, а на то, что шесть лет кто-то другой раз в месяц ходил в её дом и отогревал её трубу, а она узнаёт об этом на остановке.

Сергей это, кажется, услышал тоже. Он поправил на запястье часы, хотя они и так сидели ровно.

— Пойдём, — сказал он. — Тут двенадцать минут. Машина у меня у пункта, но по Заречной сейчас только пешком, там трубу меняют, разрыли.

Они пошли. Мимо конторы администрации — одноэтажной, со свежей синей дверью и старыми рамами; мимо магазина, где над крыльцом висела вывеска «Листок» и пахло хлебом так, что на секунду захотелось зайти просто за этим запахом. У магазина курили двое мужчин в рабочих куртках; оба кивнули Сергею и оба посмотрели на Веру — один коротко, другой дольше, с тем выражением, с каким здесь смотрят на приезжих, пытаясь вспомнить, чьи они.

— Батарейки там есть? — спросила Вера, кивнув на магазин. — Пальчиковые. У меня прибор на последнем комплекте.

— Есть. Закрываются в восемь. Я занесу, мне по дороге.

— Тебе не по дороге.

— Мне всё по дороге. Посёлок полтора километра в длину.

Он помолчал шагов двадцать. Вера считала шаги — не нарочно, это делалось само, как дыхание. На двадцать третьем он спросил:

— Ты зачем приехала-то?

— По договору.

— Гидрологов в области много.

— Не так много, как тебе кажется. Я дешёвая, у меня свой прибор, и я знаю, где у вас что течёт.

— Ты тут шесть лет не была.

— Вода за шесть лет не переучивается.

Сергей хмыкнул — не возражая, а отмечая. Вера подумала, что это была правда, только неполная, и что он это понял, и что разговор, от которого она уезжала уже дважды, всё равно будет. Не сейчас, не на мокрой улице, где под ногами чавкает глина. Но будет. Здесь вообще всё случалось рано или поздно, просто потому, что идти было некуда.

— А ты как? — спросила она.

Он снова тронул часы.

— Нормально. Сын в Бережске, у матери, в девятом классе. Я по воскресеньям велосипеды чиню. Полпосёлка ко мне катит, у кого цепь слетела. Скоро вывеску повешу: «Участковый уполномоченный. Цепи, тормоза, восьмёрки».

Она засмеялась — неожиданно для себя, коротко, и сразу перестала.

Заречная начиналась за школой и спускалась к реке пологой улицей старых срубов. Посередине её действительно разрыли: вдоль заборов тянулась траншея, на дне лежала новая синяя труба, а через траншею к каждой калитке были перекинута доски. Через доски надо было переходить, глядя под ноги. У четырнадцатого дома доска была самая широкая, и на ней кто-то вырезал перочинным ножом стрелку.

— Это я, — сказал Сергей. — Чтобы экскаваторщик не уволок. Он у меня уже две утащил.

Дом стоял, где стоял. Серый сруб, пристройка из досок, потемневших почти до черноты, крыша, крытая шифером, и на шифере зелёные пятна мха. Ворота держались на железном крюке. Когда Сергей откинул крюк, тот проскрипел ровно тот звук, который Вера помнила с детства, — короткий, с подъёмом в конце, похожий на вопрос.

Сергей поставил рюкзак на крыльцо.

— Я в девять за тобой заеду, — сказал он. — В Бережск через лесовозку минут сорок. У тебя там гостиница?

— «Северянка».

— Знаю. Там душ хороший, а завтрак плохой. — Он помедлил у калитки. — Если что — номер мой старый.

Она не стала говорить, что старого номера у неё нет: телефон, в котором он был, утонул в озере под Белозерском одиннадцать лет назад вместе с полевой курткой. Она кивнула. Он ушёл по доскам, не оглядываясь, и Вера осталась во дворе одна, с ключами в кулаке.

* * *

К половине пятого она так и не вошла в дом.

Сначала она обошла двор. Это было разумно: посмотреть, что с водостоками, куда уходит вода с крыши, не подмыло ли фундамент с северной стороны. Водосток над крыльцом провис, и под его концом в земле выбилась яма, полная воды. Вера измерила её палкой — сантиметров двенадцать. Потом прошла вдоль забора, считая шаги: сорок два от ворот до угла, двадцать восемь по задней меже. Участок был таким же, каким был. Яблони постарели. Старая антоновка у бани дала столько, что ветви подпёрли рогатинами, и рогатины тоже были новые, свежошкуранные, — Сергей или кто-то ещё.

Потом она постояла у сарая. Потом у бани. Потом снова у крыльца.

В четыре сорок она поднялась по ступеням и вставила большой ключ в замок.

Замок шёл туго, но пошёл. В сенях было темно и холодно, и пахло так, что Вера на секунду остановилась на пороге, держась за косяк. Яблоки — это из подпола, отец всегда складывал туда антоновку в ящиках, переложенную газетами. Машинное масло — от верстака в пристройке, от тряпок, которыми он протирал инструмент. И сухая бумага, тот особенный запах, который бывает только у старых папок, полежавших в нетопленном доме: пыльный, чуть сладкий.

Щиток висел там же, слева от двери, на высоте её плеча. Вера щёлкнула автоматом. В кухне взвыл и затих, а потом ровно загудел холодильник. Под потолком сеней загорелась лампочка без абажура, сорок ватт, жёлтая.

На холодильнике под магнитом в виде вологодского кружева действительно лежала стопка платёжек, разглаженных и сложенных по месяцам. Сверху — листок в клетку: «Счётчик 03.09 — 14 382. Труба норм. Кран в бане перекрыт. С. Л.». Почерк был крупный и наклонный.

Вера поставила сумку с нивелиром на кухонный стол, на клеёнку в мелкую синюю клетку. Сняла куртку, повесила на гвоздь у двери — гвоздь был на своём месте, а куртка оказалась на нём единственной. Потом сняла и повесила рядом шапку, и ей стало немного легче: в доме висели её вещи.

Ходики на стене кухни стояли. Стрелки показывали без десяти три — неизвестно какого дня. Гиря опустилась до самого конца цепочки и лежала на половице. Вера подтянула её, толкнула маятник. Ходики подумали и пошли — громко, с металлическим придыханием на каждом втором такте. Она перевела стрелки на без двенадцати пять по телефону. В тишине дома этот звук был таким заметным, что казалось, будто он не отмеряет время, а занимает место — как ещё один человек, который сел за стол.

Она прошла по комнатам. Их было три и кухня. В маленькой, бывшей её, стояла узкая кровать, застеленная клетчатым пледом, и на подоконнике — кактус в консервной банке, высохший до серой мумии. В большой — отцовский диван, сервант, телевизор под вязаной салфеткой. В третьей, которую мать называла кабинетом, а отец — «чертёжной», стоял широкий стол и над ним — полки с папками, подписанными по годам. Вера остановилась в дверях чертёжной и не вошла. Папки смотрели на неё корешками. «1987». «1988–89». «Нивелировка, сводные». «Тихий Лог, сеть, 1974—». Отец подписывал папки чертёжным шрифтом, каждую букву отдельно.

Она закрыла дверь в чертёжную. Не на замок — замка там не было, — просто прикрыла.

В пристройке, у верстака, стояли отцовские сапоги. Болотные, высокие, с отворотами, на правом — заплатка на пятке, вырезанная из велосипедной камеры и приклеенная так аккуратно, что края почти не видны. Сапоги стояли ровно, носками к стене, как будто их сняли вчера и собирались надеть завтра. Вера взяла один за голенище. Резина была холодной и задубевшей. Внутри лежал свёрнутый газетный ком — отец всегда набивал сапоги газетой, чтобы держали форму и сохли.

На верстаке рядом лежал футляр.

Деревянный, тёмный, с латунными уголками и двумя застёжками-защёлками, с ремнём, прошитым суровой ниткой в нескольких местах. На крышке под лаком — выцарапанные буквы: «Ф. М.». Футляр от старого отцовского нивелира. Вера знала этот футляр раньше, чем знала таблицу умножения; в детстве она на нём сидела в кузове, когда отец брал её на канавы.

Она отщёлкнула застёжки. Внутри, в гнездах, обитых зелёным сукном, лежал прибор — оптический, механический, старше её самой, завернутый в байковую тряпку. Вера развернула тряпку, посмотрела на окуляр, на круглый уровень с пузырьком, на юстировочные винты, на которых отец когда-то учил её, что винт надо подводить, а не дожимать. Пузырёк сидел точно в кольце. Прибор был в порядке. Прибор всегда был у него в порядке.

Она завернула нивелир обратно, закрыла крышку и защёлкнула обе застёжки.

Потом взяла футляр за ремень и сапоги за голенища, вышла во двор, дошла до сарая, отперла его плоским ключом и поставила всё на полку у стены, где стояли рейки — две старые деревянные, складные, с облупившимися красными делениями, и одна новая, алюминиевая, которую отец купил, наверное, незадолго до конца. Поставила, отошла на шаг и посмотрела. На полке теперь стояли вещи, а не отец.

Вера понимала, что делает. Она приехала работать. Ей нужен был стол, свет, розетка для зарядки и место, где можно разложить схемы. Ей не нужен был этот футляр на верстаке, в пятидесяти сантиметрах от того места, где она будет пить чай. Это было разумно. Это было почти так же разумно, как обходить двор, вместо того чтобы войти в дом.

Она заперла сарай и вернулась на кухню.

Чайник был на месте. Её большая эмалированная кружка — белая, с отбитым у ручки краем и синим ободком — тоже: она нашлась на верхней полке буфета, за стопкой блюдец, и это значило, что мать, уезжая, её туда переставила. Вера вымыла кружку, вскипятила воду и пила чай без сахара, стоя у окна, потому что садиться за стол ещё не хотелось.

Потом всё-таки села и открыла папку из администрации.

Договор был обычный: обследование технического состояния осушительной сети бывшего торфопредприятия «Тихологское» в границах проекта расчистки, оценка состояния водопропускных сооружений и затворов, нивелирная привязка уровней, заключение о рисках подтопления жилой застройки и муниципальных объектов. Срок — до тридцатого октября. Подпись главы администрации, синей ручкой, ровная и некрупная: «Л. В. Соколова». На обороте последнего листа тем же почерком — телефон и приписка: «Вера Фёдоровна, добро пожаловать. Если что-то нужно по быту — звоните, решим. Л. С.».

Схема была ксерокопией с проектной, формата А3, сложенной вчетверо. Вера развернула её на клеёнке и прижала углы кружкой, телефоном и солонкой. Северные канавы шли на ней, как всегда шли на таких схемах, — прямыми линиями, параллельными, с номерами. Магистральный канал, отводы. Затворы, помеченные треугольниками: К-1, К-2, К-3, К-4. Ремонтный ангар. Бывший завод — штрихованным прямоугольником. Нулевой водомерный пост у четвёртого затвора — кружок с точкой.

Она водила пальцем по линиям и узнавала. Вот здесь отец показывал ей, как бобры подпирают трубу. Вот здесь она в двенадцать лет провалилась по пояс и шла домой мокрая, и он не ругал, а заставил идти быстрее, чтобы не замёрзла. Вот четвёртый затвор, который она помнила плохо: туда он её не брал.

От К-4 подводящий канал шёл на северо-запад и через сто с небольшим метров обрывался. Не впадал в другой канал, не заканчивался колодцем или сбросом — просто кончался, и дальше, пунктиром, шла подпись: «естественное понижение рельефа».

Вера посмотрела на это место дольше, чем на всё остальное. Каналы так не кончаются. Вода, которую куда-то ведут, должна куда-то прийти. Скорее всего, там болотина, в которую исторически сбрасывали избыток, и проектировщик, перерисовывая старый план, не стал разбираться. Так бывало. Так бывало почти всегда.

Она взяла карандаш, чтобы пометить место, — и не нашла карандаша. В сумке было три ручки, она это точно помнила, она клала их утром. Нашлась одна, и та писала через раз. Вера поставила её на полях схемы маленький вопросительный знак и рядом цифру «4».

За окном стемнело. Ходики стучали. Холодильник гудел и замолкал. Где-то за рекой лаяла собака — дважды, с паузой, как будто проверяла, слушают ли.

* * *

Сергей пришёл в девять пятнадцать. Вера услышала, как скрипнул крюк на воротах — с подъёмом в конце, — и вышла на крыльцо раньше, чем он постучал.

Дождь перестал, но воздух был такой сырой, что лампочка над крыльцом стояла в собственном мутном облаке. Сергей держал в руке пакет из «Листка».

— Батарейки, — сказал он. — Две упаковки, по четыре. Алла сказала, что ты в этом году первая, кто берёт пальчиковые не для пульта.

— Сколько я должна?

— Двести восемьдесят. Потом.

Она взяла пакет. Внутри, кроме батареек, оказался батон, ещё тёплый на сгибе, и пачка сахара.

— Это не я, — сказал Сергей. — Это Алла. Сказала, у Мезенцевых в доме сахар шесть лет как кончился.

Вера не нашлась что ответить, и поставила пакет на перила.

— Ты схему смотрела? — спросил он.

— Смотрела.

— Тогда вот что. — Он сел на ступеньку, вытянув ноги. Форменная куртка на нём потемнела на плечах от сырости. — Связи у северных канав почти нет. До ангара ловит, там вышка в Бережке видна. От ангара к четвёртому затвору — уже нет. У рейки водомерной тоже нет, там низина. Ты туда одна поедешь — скажи кому-нибудь, во сколько вернёшься. Мне скажи или в администрацию.

— Я пятнадцать лет езжу на объекты без связи.

— Здесь ты двадцать лет не ездила.

Он посмотрел на тёмный огород, на силуэт сарая, на антоновку в рогатинах. И сказал тем же голосом, каким говорил про связь и про вышку в Бережке:

— У нижней воды до темноты возвращайтесь.

Вера помолчала.

— Возвращайтесь — это кто?

— Все. Так говорят.

— Кто говорит?

— Все и говорят. — Сергей пожал плечами. — Старики. Дети в школе. Алла говорит. Мой отец говорил.

— И что там, у нижней воды?

— Да ничего там. Вода. Говорят, слышно разное.

— Сергей, — сказала она медленно, так медленно, что сама это услышала. — Мне не рассказывай сказки. Мне в конце месяца заключение подписывать. Я туда поеду, когда надо будет, и вернусь, когда сниму отсчёты.

Он не обиделся. Поднялся, отряхнул брюки сзади ладонью.

— Сказки не рассказываю. Дай схему.

Она принесла схему из кухни. Он развернул её на перилах под лампочкой, придерживая углы локтями, и вытащил из нагрудного кармана огрызок карандаша.

— Вот смотри. — Карандаш прошёл от площади по дороге на север. — Это прямая дорога, мимо завода, мимо ангара. До ангара — гравий, нормально. За ангаром — грунтовка. После таких дождей там легковая садится по брюхо. Вот здесь, — он ткнул в место, где дорогу пересекала тонкая линия отвода, — в прошлом году «Нива» администрации сидела до утра. Водитель вышел пешком, в темноте сошёл с настила и по пояс ушёл в канаву. Без связи. Утром нашли — на крыше машины сидел, замёрз в синеву. — Он провёл другую линию, левее. — Обьезд вот так, через старую площадку завода и потом по настилу, пешком. Двадцать минут от ангара до затвора, если ногами. Машину оставишь у Марата в ангаре, он смотритель, он знает. Обратно — так же. Засветло.

Карандаш остановился у кружка с точкой — нулевой водомерный пост.

— Вот и вся нижняя вода, — сказал он. — Там после заката в двух шагах ничего не видно, настил скользкий, рейка стоит у самого края. Хоть говори там голоса, хоть не говори — упадёшь, и до утра не найдут. Поэтому — до темноты.

Вера посмотрела на его линии. Они были проведены уверенно, с нажимом, и шли по местности, а не по бумаге: он знал, где настил, потому что ходил по нему. Это было разумно. Это было то, что она сама сказала бы студенту.

— Хорошо, — сказала она. — До темноты.

Он сложил схему, отдал ей и спрятал огрызок карандаша обратно в карман. Потом спохватился, вынул снова и протянул ей.

— На. Ты всегда их теряла.

Она взяла.

— Машина у калитки, — сказал Сергей. — Собирайся. До «Северянки» через лесовозку как раз к десяти.

Вера посмотрела через его плечо в открытую дверь сеней. Там горела жёлтая лампочка, на гвозде висела её куртка, рядом — шапка. Из кухни было слышно ходики: такт, вздох, такт.

Гостиница была бронирована и оплачена до понедельника. В гостинице был хороший душ, интернет и никаких папок с корешками по годам. Оттуда до северных канав было сорок минут по лесовозке и ещё десять по посёлку в одну сторону, каждое утро и каждый вечер, и если завтра она решит, что ей нужно в шесть утра быть у затвора, когда вода стоит спокойно и свет ровный, ей придётся выезжать в пять. И каждый вечер возвращаться сюда, к этому крыльцу, чтобы снова сказать «нет».

— Я останусь, — сказала она.

Сергей не стал переспрашивать. Он посмотрел на неё, потом на дом, потом на свои часы.

— Котёл в бане не трогай, там прокладку менять. Печка на кухне тянет, дрова под навесом, сухие, я в сентябре колол. Вьюшку открывай до конца, она заливает.

— Ты колол мне дрова?

— Я колол дрова, — сказал он. — Они просто лежали у тебя.

Он спустился с крыльца, дошёл до калитки и уже оттуда, не оборачиваясь, сказал:

— Звони в «Северянку», отменяй. А то деньги снимут.

Крюк скрипнул с подъёмом в конце. Вера постояла, пока не заурчал мотор и свет фар не прошёл по заборам Заречной и не исчез за поворотом к школе.

Потом она занесла пакет на кухню. Положила батарейки рядом с нивелиром, батон — в хлебницу, сахар — на полку, где всегда стоял сахар. Растопила печь, открыв вьюшку до конца; вьюшка залипла, и Вера подбила её ладонью снизу, как делал отец. Позвонила в гостиницу — отменить. Девушка на ресепшене сказала, что за первые сутки всё равно спишут. Вера сказала: хорошо.

Схему она снова разложила на столе, теперь уже без кружки на углу — углы прижала батарейками. Огрызком карандаша обвела маленький вопросительный знак у четвёртого затвора, там, где подводящий канал кончался ничем, и написала рядом: «осмотреть первым».

Ходики показывали без двадцати одиннадцать. В печи трещало. Вера постелила себе в маленькой комнате, выбросила высохший кактус в мусорное ведро и вернулась на кухню выключить свет.

У двери в чертёжную она задержалась. Дверь была прикрыта, как она её оставила. Вера положила ладонь на ручку — холодную, латунную — и подержала так.

Потом убрала руку и выключила свет на кухне.

Завтра в девять ей нужно было в библиотеку, за старыми картами. В отцовской чертёжной старые карты тоже были, она знала это лучше, чем кто-либо. Но в библиотеке они были чужие, с инвентарными номерами и печатью, и по ним можно было работать.

Она легла, не раздеваясь до конца, и долго слушала, как дом привыкает к теплу: потрескивают брёвна, вздыхает печь, ходики отсчитывают своё — такт, вздох, такт, — будто ничего здесь не прерывалось.

Глава 2. Белое пятно

Библиотека открывалась в девять, но в девять пятнадцать дверь ещё была заперта, и Вера стояла на крыльце под козырьком, глядя, как дождь ровной бахромой стекает с жестяного карниза. Крыльцо было новое, из лиственницы, с пандусом сбоку, а само одноэтажное здание старое, бывший детский сад: на стене у входа под краской ещё угадывался силуэт нарисованного медведя.

В девять восемнадцать по дорожке торопливо прошла женщина в тёмном плаще с капюшоном и с двумя сумками. Из одной торчал зонт, который она так и не раскрыла.

— Вы к нам? — спросила она, ещё не дойдя до ступенек. — Простите, сын забыл сменку, пришлось возвращаться. Это вы гидролог?

— Мезенцева.

— Рябинина, Татьяна Алексеевна. — Женщина переложила сумки в одну руку, достала ключ и, прежде чем вставить его в замок, коротко посмотрела на Веру, как смотрят на книгу, которую давно собирались прочитать и всё не брались. — Николай про вас говорил. Проходите, у нас тепло. Это единственное место в посёлке, где всегда тепло: котельная школьная, и трубу к нам кинули ещё при старой власти.

Внутри и правда было тепло, сразу, с порога, сухим батарейным теплом. В зале стояли стеллажи и четыре стола, на подоконниках в пластиковых горшках росли герани, красные и одна белая. Радиатор под окном щёлкнул, будто кто-то постучал по нему ногтем. Пахло бумагой, но не так, как в отцовской чертёжной. Здесь это был живой запах книг, которые берут, возвращают, роняют в лужи и сушат на батарее.

Татьяна повесила плащ, включила свет, поставила чайник за перегородкой, и всё это не останавливаясь и не переставая говорить.

— Вам старые карты. Николай сказал: всё, что есть по осушке. У нас есть три вещи. Краеведческая папка, это вырезки, вам неинтересно. Подшивка районной газеты с пятьдесят восьмого года. И альбом. — Она открыла шкаф с застеклёнными дверцами и сняла с нижней полки картонную коробку. — Альбом я вам на дом не дам, сразу говорю. Он у нас один и числится в описи. А вот это пожалуйста.

Она положила на стол пачку ксерокопий в прозрачных файлах, местами склеенных из двух половин скотчем.

— Это Николай снимал с альбома, когда в прошлом году готовили проект. Только смотрите: он там наводил карандашом. — Татьяна вытащила один лист и провела ногтем по краю файла. — Вот и вот. Он всегда так: прочертит, а потом забудет, где его линия, а где чужая. Я ему сто раз говорила: черти хоть цветным.

Вера наклонилась над копией. Масштаб один к десяти тысячам, сеть северных канав, условные обозначения в правом нижнем углу. Поверх напечатанных линий были нанесены от руки тонкие карандашные: где-то продолжение канала, где-то кружок с вопросом.

— Мне нужен оригинал, — сказала она. — По копии я не отличу, что напечатано, а что дорисовано. Тем более по копии, на которой уже чертили.

— Оригинал — это альбом.

— Тогда альбом.

Татьяна положила ладонь на крышку коробки, не запрещая, а как будто примериваясь.

— На дом не дам, — повторила она.

— Мне не надо на дом. Мне надо на стол, здесь.

Татьяна подумала. Чайник за перегородкой зашумел, потом щёлкнул.

— Тогда так, — сказала она. — Выпишу вам читательский билет, запишу выдачу в читальный зал, и работайте вот за этим столом, у окна, там свет лучше. Ручкой в аль-

боме ничего, карандашом тоже ничего. Если надо снять, снимайте телефоном, без вспышки. Вспышка, — она подняла палец, — выжигает синьку.

— Без вспышки, — согласилась Вера.

Билет Татьяна заполнила быстро, крупным библиотечным почерком, и остановилась на графе «место работы».

— Как писать: «Череповец» или «временно Тихий Лог»?

— Как вам удобнее.

— Мне удобнее правду.

— Тогда Череповец.

Альбом оказался тяжелее, чем выглядел: тёмно-синий коленкор, углы, обитые жёстью, а на корешке выдавленная и когда-то позолоченная надпись: «Торфопредприятие „Тихологское“. Схемы осушительной сети». К плотным листам внутри были подклеены светокопии, синие на белом, выцветшие по краям до серого. На каждом листе стояли подпись, дата и штамп: «Утверждаю. Гл. инженер...». На первых листах фамилия была другая, незнакомая, а с семидесятых годов — «П. С. Князев».

Вера листала медленно. Это было похоже на то, как листают семейный альбом с фотографиями людей, которых ты знал только стариками. Вот канава, которую она помнила заросшей, а здесь она прямая и чистая, с откосами под линейку. Вот магистральный канал. Вот завод, не штриховкой, а планом цехов с подписанными сушилками.

Чай Татьяна принесла сама, не спрашивая, в гранёном стакане с подстаканником.

— Чашки у нас кончились, — сказала она. — Все разбили на Восьмое марта. Подстаканники остались: подстаканник не бьётся.

* * *

К половине одиннадцатого Вера сделала двадцать три снимка и исписала полстраницы полевой тетради номерами листов, датами и пометками. В десять сорок дверь читального зала открылась, и вошёл мужчина в рабочем пиджаке поверх серой толстовки с мокрым капюшоном. На переносице у него была красная полоса, след от оправы очков, которых на нём не было.

— Николай, — сказала Татьяна из-за перегородки, не выходя. — Ноги.

Мужчина вернулся на коврик, вытер ноги и снова вошёл.

— Рябинин, — сказал он Вере и протянул холодную сухую руку. — Землеустроитель. Вы ещё не были у меня в кабинете? Пойдёмте, там удобнее. Таня, альбом можно?

— Альбом в читальном зале.

— Мой кабинет и есть читальный зал.

— Твой кабинет — подсобка.

— Подсобка читального зала, — сказал Николай, и Татьяна махнула рукой из-за перегородки, так что стал виден рукав её кофты.

Кабинет и правда оказался подсобкой. Это была узкая комната за стеллажами с краеведением, судя по раковине в углу и кафелю до половины стены, бывшая детсадовская кухня. Маленькое окно высоко под потолком. Обычный учительский стол с двумя тумбами, а на нём компьютер старой модели, плоттерный рулон, прижатый двумя томами энциклопедии, и папки. Много разноцветных папок с наклейками и одна серая, толстая, с завязками. Войдя, Николай переложил её со стола на подоконник, так, чтобы она оказалась у него за спиной.

Он заметил, что Вера это заметила, и отвёл глаза.

— У меня тут бардак, — сказал он. — Таня называет это культурным слоем. Садитесь. Давайте альбом. Лист четырнадцатый, кажется.

Он сам нашёл лист: светокопия схемы северных канав со штампом в углу: «Реконструкция затвора К-4 и низовой технической площадки. 1974». Рядом Николай развернул совре-

менную карту, не ксерокопию, а цветную плоттерную распечатку на тонкой бумаге, с координатной сеткой и кадастровыми номерами участков.

— Это проект расчистки, — сказал он. — Сводная, двадцать третий год. Её делали вот с этого. — Он постучал пальцем по светокопии. — Не только с этого, конечно, ещё с девяносто пятого и с двухтысячных. Но основа вот.

Он сделал то, что на его месте сделала бы и Вера: положил тонкую распечатку поверх светокопии и подвинул так, чтобы совпали опорные точки: угол заводского корпуса, пересечение магистрального канала с дорогой, будка у ангара. Распечатка просвечивала, и под цветными линиями проступили синие.

— Смотрите.

Вера смотрела. Каналы совпадали. Не идеально: где-то на миллиметр, на два, где-то современная линия шла чуть ровнее, спрямляя старый изгиб. Но совпадали так, как и должны совпадать два плана одной сети, сделанные с разницей в полвека. Магистральный канал, первый отвод, второй. Треугольники затворов на современной карте точно садились на треугольники светокопии: К-1, К-2, К-3.

К-4.

От четвёртого затвора на светокопии подводящий канал шёл на северо-запад, как и на её вчерашней схеме. Только на светокопии он не обрывался. Он доходил до небольшого заштрихованного прямоугольника, и от прямоугольника отходили ещё две тонкие сбросные линии к пониженному месту позади него. Возле прямоугольника стояла мелкая надпись чертёжным шрифтом: «Л-7». А рядом значок, который Вера узнала не сразу: мачта связи.

На современной распечатке в этом месте не было ничего. Канал доходил до той же точки, что и на её схеме, и кончался. Дальше шла светлая зелень с условным знаком болотной растительности и курсивная подпись: «естеств. пониж. рельефа». Прямоугольник со светокопии бледно-синим просвечивал сквозь неё, как синяк под кожей.

— Белое пятно, — сказал Николай.

— Зелёное, — сказала Вера.

— На бумаге зелёное. А по смыслу белое.

Вера сдвинула распечатку на сантиметр, потом обратно, и наклонилась ближе.

— Это может быть что угодно, — сказала она. — Площадку снесли, сооружение списали, землю перевели в другую категорию. При съёмке поставили природный знак, потому что там сейчас всё заросло. Проектировщики всегда рисуют то, что видят. Или то, что им дали.

— Может быть, — сказал Николай.

— Вы смотрели, кто вёл сводную?

— Сводную вела районная контора по материалам, которые ей дала администрация. А администрация взяла их из архива предприятия. А в архиве предприятия, — он вытянул из стопки ещё один лист, на этот раз бледную чёрно-белую ксерокопию, — вот это.

Это была схема тех же северных канав, но уже не синька, а машинописная копия с цифрами, вписанными от руки. В углу стояло: «1995». Подводящий канал от К-4 здесь уже кончался. Прямоугольника не было, а вместо него стоял тот же условный знак болотины.

— В семьдесят четвёртом площадка есть, — сказал Николай. — В девяносто пятом её нет. Между ними двадцать один год, и где-то в эти годы её не стало. Документ о реконструкции я нашёл. Документа о сносе не нашёл: ни акта, ни решения, ни списания. Ничего. Её просто перестали рисовать.

— Так бывает, — сказала Вера. — В девяностые много чего перестали рисовать. И делать.

— Бывает, — снова согласился Николай. Он присел на край стола и потёр переносицу там, где была красная полоса, и Вера поняла, что очки он, видимо, снял и забыл где-то в другом месте. — Только вот здесь. — Он показал на светокопии место между затвором и прямоугольником. — Сто восемьдесят метров. Если площадка была, там должно остаться основание.

Бетон, может быть, сваи, может быть, кабель. Если её снесли по-человечески, котлован засыпан, и это видно по растительности, по просадке. А если не по-человечески, там всё осталось. А в понедельник туда пойдёт экскаватор. По проекту там расчистка русла и планировка, потому что «естественное понижение рельефа». Его спланируют, и всё, что там есть, уйдёт в отвал.

— Вы хотите, чтобы я её нашла, — сказала Вера.

— Я хочу, чтобы вы её официально обследовали, с привязкой. Чтобы в заключении было записано: в такой-то точке обнаружено то-то. Тогда работы там остановят до выяснения. А без этого не остановят.

— У меня в договоре нет Л-7.

— У вас в договоре гидротехнические сооружения в границах проекта. Л-7 в границах проекта. Его просто нет на карте.

Вера выпрямилась. Спина начинала затекать, и она прошла по подсобке: три шага до раковины, три обратно. Подсобка была маленькая, папка с завязками лежала на подоконнике у Николая за спиной, и сидел он так, что, обходя стол, к подоконнику было не подойти.

— Зачем вам это? — спросила она.

— Я землеустроитель.

— Землеустроитель занимается границами участков. А это объект, которого нет. Он ни у кого не стоит на балансе, никто не платит за него налог. Это не ваше.

Николай помолчал.

— Я согласовывал этот проект, — сказал он. — На сводной стоит моя подпись, вот здесь. — Он не показал где и посмотрел мимо Веры, на кафель. — Я подписал, не проверив. Потом проверил. Теперь хочу, чтобы было правильно.

Это прозвучало правдой, но не всей, так же, подумала Вера, как вчера прозвучало её «по договору». Она узнала эту интонацию изнутри.

— Обследование северной сети у меня запланировано на шестое, на воскресенье, — сказала она. — К-4 первым, я его отметила ещё вчера. Если там есть основание, я его найду. Если нет, так и напишу.

— Шестое — это поздно, — сказал Николай.

— Почему поздно? Вы сами сказали, что техника пойдёт в понедельник.

— Потому что до шестого кто-нибудь может решить, что обследовать нечего.

Он сказал это просто, без нажима, но Вера внимательно посмотрела на него.

— Кто?

Николай улыбнулся криво, одной стороной.

— Кто угодно. Вы же сами сказали, что в девяностые много чего перестали рисовать. Люди привыкли.

* * *

Без десяти двенадцать Вера вернула альбом Татьяне. Та проверила его: открыла на случайном листе, посмотрела на свет, не осталось ли следов карандаша, закрыла и расписалась в формуляре.

— Нашли, что искали?

— Нашла то, чего не искала.

— У нас так бывает, — сказала Татьяна. — Библиотека.

Николай вышел вместе с Верой на крыльцо. Дождь стал гуще, мелкий и частый, и на лиственничных досках выступили тёмные пятна. Николай натянул мокрый капюшон, но тут же откинул его обратно.

— Сегодня вечером я поговорю, — сказал он, — с тем, кто может поставить подпись.

— Под чем?

— Под тем, чтобы работы на Л-7 приостановили до обследования. Если подпись будет, вам будет проще: никто не станет мешать. Если нет, ну... — Он пожал плечами.

— Дождитесь моих замеров, — сказала Вера. — У меня будут цифры. С цифрами разговаривать легче, чем с картинками.

— С цифрами разговаривать легче, — повторил Николай. — Только времени нет. Экскаватор пойдёт в понедельник в восемь утра, у Белова уже залита солярка. Сегодня пятница. Завтра суббота, никого не найдёшь. В воскресенье вы будете мерить, а в понедельник никто не станет читать, что вы намерили, потому что заключение у вас будет через неделю, а планировка через день.

— Тогда скажите прямо, с кем вы будете говорить. Я пойду с вами.

Он снова отвёл глаза, теперь на дорогу, где по лужам, не разбирая пути, шёл маленький жёлтый школьный автобус с наклейкой «Дети» на заднем стекле.

— Нет, — сказал он. — Это я должен сам. Там... — Он поискал слово. — Там старое. Не ваше.

— Вы же сами сказали, что Л-7 в границах моего договора.

— Л-7 ваше. Остальное моё.

Вера хотела спросить, что значит «остальное», и не спросила. Ей не понравилось, как он это сказал: не таинственно, а как-то устало, как говорят о долге, который давно пора отдать, а он всё не отдаётся. Не понравилось ей и другое: что её, кажется, уже включили в какую-то схему, которую ей не показали, так же, как она сама любила включать людей в свои.

— Николай Викторович, — сказала она, — я не люблю, когда меня используют как бумагу.

— Как бумагу?

— Как документ: принести, положить на стол, показать. Я инженер. Я меряю и пишу то, что намерила. Если вы мне чего-то не договариваете, я всё равно это узнаю, только позже и хуже.

Николай посмотрел на неё и впервые за утро не отвёл глаз.

— Ваш отец знал этот участок, — сказал он. — Лучше всех. Он вам не рассказывал?

— Нет.

— Жаль, — сказал Николай. — Ладно. В воскресенье. Если что-нибудь изменится, я позвоню. Таня даст вам номер.

Он спустился с крыльца, прошёл несколько шагов и вернулся.

— Очки, — сказал он, похлопав себя по пиджаку. — Не видели на столе?

— Нет.

— Значит, в машине. — Он повернулся, на этот раз окончательно, и пошёл к стоянке у школы, где стояла бежевая «девятка» с вмятиной на заднем крыле. Вера смотрела ему вслед, пока он не сел в машину, не нашёл, судя по движению руки, очки на приборной панели и не надел их. Машина постояла с работающими дворниками и уехала.

Татьяна вышла на крыльцо у неё за спиной с сигаретой, которую не стала зажигать, а просто держала.

— Он вам что-то наговорил, — сказала она.

— Он попросил обследовать один участок.

— Попросил, — повторила Татьяна. — Он у меня всех просит. В этом году он всех просит. — Она покрутила сигарету в пальцах и сунула её обратно в пачку. — Вы его не слушайте сильно. То есть слушайте, но... он увлекается. Раньше не увлекался, а теперь увлекается.

— Он сказал, что подписал проект, не проверив.

Татьяна посмотрела на Веру, и пауза вышла долгой, такой, какую выдерживают люди, привыкшие к тишине читального зала.

— Он много чего подписывал, — сказала она наконец. — Вы есть хотите? В двенадцать в магазин привозят пирожки с капустой. Если сейчас пойти, будут горячие.

Вера сказала, что хочет, хотя не хотела. Ей нужно было куда-то деть то, что она увидела, и пирожок был не хуже других мест.

Пирожки в «Листке» и правда были горячие. Алла доставала их из коробки, обернутой одеялом, и они дымились на холоде. Татьяна взяла два с капустой, Вера один. Алла с любопытством посмотрела на Веру, но ни о чём не спросила, только сказала: «Мезенцева? Сергей говорил. Сахар-то уже кончился?» — и засмеялась, не дожидаясь ответа.

Они ели на лавке под навесом у магазина. Шёл мелкий частый дождь. По площади проехал школьный автобус, за ним трактор с прицепом дров.

— Меня, Светлану Николаевну, Князева, Климова, — сказала Татьяна, не глядя на Веру, будто продолжала разговор на крыльце. — Всех просит. Ходит, показывает, спрашивает. Я ему говорю: Коля, ты как ребёнок, который нашёл в сарае ржавый гвоздь и всем его показывает. А он говорит: Таня, это не гвоздь.

Вера жевала горячий пирожок с хрустящей коркой и капустой, тушённой с морковью.

— А что? — спросила она.

— Не знаю, он не говорит. — Татьяна вытерла пальцы салфеткой. — Раньше он всё мне рассказывал, каждую мелочь: какой участок, какой сосед с каким поругался из-за забора. А с весны молчит. Сидит в подсобке до ночи, листает этот альбом. Я спрашиваю, что он там ищет, а он говорит: то, чего нет. — Она помолчала. — Странно звучит, правда?

— Не очень, — сказала Вера.

Татьяна посмотрела на неё.

— Вы тоже из таких? Которые ищут то, чего нет?

— Я ищу то, что есть, но не нарисовано.

— Это одно и то же, — сказала Татьяна и доела пирожок.

Через площадь медленно проехала белая «Нива» с синей полосой на двери. За рулём сидела женщина с короткой аккуратной стрижкой, в тёмно-зелёном дождевике. Увидев их на лавке, она притормозила и опустила стекло.

— Татьяна Алексеевна, здравствуйте! — Голос был тёплый и приветливый. — Николай Викторович у вас? Мне он нужен.

— Уехал, минут десять как. Наверное, на межевание, на Огородную.

— Найду, спасибо! — Женщина посмотрела на Веру коротко и внимательно, с лёгкой улыбкой. — А вы Мезенцева? Вера Фёдоровна? Я Соколова, глава. Увидимся после обеда. Добро пожаловать.

— Спасибо.

Стекло поднялось, и «Нива» поехала дальше через площадь к школе, туда, куда уехала «девятка».

— Лидия Викторовна, — сказала Татьяна. — Это она к Коле. Опять будут ругаться из-за проекта.

— Часто ругаются?

— Двадцать лет. — Татьяна встала и отряхнула крошки с плаща. — Они так разговаривают. Она: «Николай Викторович, давайте решим». А он: «Лидия Викторовна, не давайте». — Она чуть улыбнулась. — Мне на работу. Возвраты.

Татьяна ушла к библиотеке. Вера осталась на лавке и записала на чистой странице полевой тетради: «Л-7. 1974 — есть. 1995 — нет. Акт сноса — нет (со слов Р.). ~180 м от К-4. Основание? Мачта связи. Обследовать 06.10 первым». И подумала, что ручка на этот раз, на удивление, писала без пропусков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.